

Пока Сун Хуаймин томился в неволе, мир снаружи стремительно менялся. Дунфан Вэйцзюнь, воспользовавшись предлогом самовольного оставления поста, сместил верных генералу людей и назначил своих ставленников на Заставу Рассвета. Девятый принц, Дунфан Чэньцзюнь, судя по всему, впал в панику из-за исчезновения своего лучшего военачальника и начал действовать открыто. Однако меня смущало одно: в поместье Государственного наставника по-прежнему царила необъяснимая тишина. Соглядатаи доносили, что Юйвэнь Му целыми днями музицирует или пишет стихи, будто происходящее в столице его совершенно не касается.

Это неестественное спокойствие заставляло меня изрядно нервничать. По опыту я знал: чем тише гладь воды, тем страшнее буря под ней. Меня всё сильнее охватывала тревога, и это было дурным знаком. Кроме усиления слежки, я ничего не мог предпринять.

Когда мы с Дунфан Вэйцзюнем разрабатывали план по нейтрализации сторонников Девятого принца, предполагалось, что мои тайные силы свяжут Юйвэнь Му по рукам и ногам, ослепят его и не дадут вмешаться, пока Император будет зачищать оппозицию. Кто же мог подумать, что он и пальцем не пошевелит? Либо он вовсе не собирался действовать, либо его ходы были настолько скрытными, что мы их попросту проглядели.

Первое казалось невыносимым. Он — Государственный наставник Восточной Мин и учитель Дунфан Чэньцзюня. Будучи признанным лидером фракции Девятого князя и свято веря в то, что именно его ученик — истинный избранник небес, он не мог бросить его в такой момент. У него не было причин оставаться в стороне.

Но если его действия были столь тонкими, что обманули мою сеть, значит, мы в большой беде. Снаружи поместье Наставника плотным кольцом окружили люди Императора, внутри за каждым его шагом следили мои глаза. Если он умудрился проскользнуть сквозь эту ловушку, то нам с Дунфан Вэйцзюнем пора признать поражение и уйти на покой.

— Завтра на утреннем приёме люди Девятого князя намерены объявить импичмент канцлеру Шу Ханю.

Получив это донесение, я немедленно отправился во дворец. В последние дни «крысы» засуетились, и я приказал Сун Нину бросить всех шпионов на слежку за ними. Их конспирация стала жёстче, что лишь подтверждало ценность добытых сведений.

— Импичмент Шу Ханю? — Дунфан Вэйцзюнь рассмеялся, словно услышал удачную шутку. — Они что, совсем отчаялись? Решили ударить по Шу Ханю? Да, он мой человек, но я посадил его в кресло канцлера лишь в качестве декорации. Мне нужен был исполнительный и осторожный чиновник, который не делает лишнего и не болтает лишнего. К какому предлогу они могут прицепиться, имея дело с таким осторожным человеком?

Этот мужчина, стремясь сосредоточить всю власть в своих руках, заполнил ключевые посты красивыми, но бесполезными «вазами». Проблема была в том, что после восхождения на

престол он проводил ротации слишком резко, чем вызвал недовольство чиновников. Его жесткие методы заставили придворных дрожать за свои жизни, и в итоге многие нейтралы, а то и бывшие сторонники, переметнулись на сторону Девятого князя.

— Даже на самом гладком полотне можно найти зацепку. У этих господ талантов не занимать. Поговаривают, они нашли не только «хвост» канцлера, но и «хвостик» Вашего Величества.

— Что? У меня? — Император нахмурился. — И что же они могли на меня накопать?

— Пока это лишь слухи, точных данных у моих людей нет. Но известно одно: если завтра на совете Ваше Величество не накажет Шу Ханя, эти люди представят компромат лично Вдовствующей императрице.

— Совесть моя чиста, — отрезал он. — Думаешь, я боюсь их лжи?

— Советую Вашему Величеству пожертвовать фигурой ради спасения короля. Даже если у них нет прямых улик, людская молва — страшное оружие. Стоит бросить тень, и начнётся хаос. К тому же, если их цель — Вдовствующая императрица, дело, скорее всего, касается семейных тайн Вашего Величества.

— Семейных?

— Не забывайте, Ваше Величество, что императрица — родная мать Девятого князя.

Дунфан Вэйцзюнь промолчал.

— Она всегда держалась в тени и не вмешивалась в политику, — продолжил я. — Но когда речь заходит о делах внутреннего двора, хозяйка Восточного дворца не останется в стороне. Она стара и слаба здоровьем, ей, возможно, осталось недолго. Но если она почувствует угрозу своему единственному сыну, то выйдет на защиту, даже если это будет стоить ей последних сил. Упрямство женщины в такие моменты может быть пугающим.

— И каков твой план?

— Нападать первым. Завтра на совете, как только они начнут атаку на Шу Ханя, Ваше Величество должны сделать вид, что согласны. Позвольте им развернуть дискуссию. Тяните время как можно дольше. А я, как ученик Юйвэнь Му и младший соученик Девятого князя, нанесу визит Вдовствующей императрице. Постараюсь убедить её отправиться на отдых в Сад Душистого Цветения на несколько дней.

Сад Душистого Цветения был тайной усадьбой «Пристанища Феникса» на окраине Шэнцзина. Формально он принадлежал некоему знатному отшельнику. Там круглый год цвели редчайшие растения, наполняя воздух дивными ароматами.

— Идея неплохая, — кивнул Император. — Но лучше отправить гонца сегодня же.

— Пусть это сделает ваш доверенный евнух Ли. Пусть скажет, что ученик Наставника прибыл в столицу, навестил учителя и по его совету пришёл засвидетельствовать почтение императрице. Разумеется, я напишу рекомендательное письмо от имени Юйвэнь Му. И попросите тех, кто в курсе, держать язык за зубами. Лишние глаза мне ни к чему.

— Само собой. Ты — мой главный козырь в этой игре.

Он похлопал меня по плечу, но вдруг посерьёзnel:

— Кстати, мне всегда было любопытно. Как тебе удалось убедить моего покойного отца поверить тебе безоговорочно всего после одной встречи?

Я вспомнил тот день и невольно улыбнулся.

— Умиравший человек верит не преданным слугам и уж точно не сыновьям, которые жаждут власти. Он верит тому, кто принесёт ему эликсир жизни. Если кто-то обещает ему лишний день на этом свете, он станет для него единственной опорой, даже если этот благодетель — человек без прошлого и с сомнительными намерениями.

Дунфан Вэйцзюнь громко расхохотался.

— Вот оно как! Оу Сян, мне сказочно повезло, что ты на моей стороне!

— Благодарю, Ваше Величество, — ответил я, хотя про себя подумал: «Повезло? Я что, вещь, которую ты нашёл на дороге?»

Поддав раздражение, я сел за стол и, мастерски копируя почерк Юйвэнь Му, составил рекомендательное письмо. Евнух Ли был человеком Императора. В своё время, когда родился Девятый принц и прежний Наставник предсказал ему великое будущее, лишив Вэйцзюня шансов на престол, его мать, Благородная супруга Лань, начала тайно копить силы. Ли-гунгун был её преданным слугой, приставленным к маленькому принцу. Несмотря на приход Юйвэнь Му, Ли сохранил доверие во дворце и уважение императрицы.

Покинув дворец, я отправился в Сад Душистого Цветения, чтобы всё подготовить. У Вдовствующей императрицы не было мощных кланов за спиной. Её отец был всего лишь министром ритуалов, а сама она приглянулась старому императору благодаря своим познаниям в садоводстве. Её возвышение стало результатом компромисса между дворцовыми фракциями. Сама она была женщиной скромной: любила цветы и не плела интриг, как это принято в сериалах. Сад ей определённо должен был понравиться. Даже если она откажется приехать, подготовка лишней не будет.

С наступлением ночи, когда темнота поглотила город, я спустился в пыточную, чтобы навестить свою новую «игрушку».

— Как он сегодня? — спросил я.

— Особых указаний не было, так что мы провели обычную процедуру «воспитания», — ответил Мо Ли.

— Думаешь, долго протянет?

Мо Ли странно посмотрел на меня.

— Этот человек... он не похож на тех, кто был здесь раньше.

— И в чём разница?

— Те, другие, жили в тених. Этот же вырос на солнце.

— Верно. Но разве люди солнца не ломаются быстрее, когда их погружают в мрак?

— Теоретически — да. Но это лишь второй день, плоды появятся позже. Господин желает...

— Сегодня не нужно. Я просто зашёл предупредить. Дел навалилось много, заходить часто не смогу. Действуй по своему усмотрению, я с нетерпением жду результата.

Я вошёл в камеру к Сун Хуаймину. Его руки и ноги были скованы длинными цепями, закреплёнными на стене. Это позволяло крови циркулировать, но превращало любое движение в муку. Здесь не было сырости или крыс — постояльцы этой комнаты становились моими личными игрушками, поэтому в камере поддерживалась чистота, стояла кровать и даже простая мебель.

Сун Хуаймин лежал на постели почти нагой. Его мощное тело было местами скрыто пропитанными кровью бинтами. Он явно не мог пошевелиться. «Обычная процедура», говоришь? Похоже, Мо Ли был с ним куда суровее, чем с остальными.

Завидев меня, генерал сначала вспыхнул робкой надеждой, но она тут же сменилась жгучей ненавистью. Я присел на край его кровати и улыбнулся:

— Выглядите неважно, генерал Сун.

— Что... тебе... нужно? — его голос охрип.

Этот Мо Ли совсем его не поит? Я не спеша налил воды в чашу и поднёс к его губам, но Сун Хуаймин с яростью отвернулся.

— Ну зачем вы так? Гнев плохой помощник, когда тело требует сил.

— Хм! Хватило же у тебя наглости говорить такое!

Он смотрел с яростью. Если бы взгляд мог убивать, от меня осталась бы горстка пепла. Я негромко рассмеялся, достал серебряную иглу и, заблокировав его акупунктурные точки, заставил замереть. Затем набрал воды в рот и, прильнув к его губам, силой влил её.

— Я не позволю тебе умереть так быстро. Скоро начнётся самое интересное, неужели не хочешь взглянуть? Ах да, Император уже знает, что ты тайно прибыл в Шэнцзин. Он объявил тебя в розыск как дезертира и передал Заставу Рассвета другому. Идти тебе некуда. Так что располагайся поудобнее. Кто знает, может, однажды ты увидишь здесь своего обожаемого Юйвэнь Му.

Сун Хуаймин дернулся, его лицо исказилось от гнева, когда я произнёс имя Наставника:

— Цинмин! Как ты смеешь... так непочтительно отзываться о своём учителе?!

— Потому что я никогда не считал его таковым.

Он всегда навязывал мне свои уроки, втискивал в меня знания, не спрашивая моей воли, и мечтал передать мне пост Наставника. Терпеть не могу его этот образ святоши — бесхарактерный, пресный тип, твердящий о «воле Небес». Всё, что я делаю сейчас, направлено не только на моё благо, но и на то, чтобы растоптать его теорию судьбы вместе с его драгоценным Девятым принцем.

— Цинмин! Ты...

Я ввёл ещё одну иглу. Сун Хуаймин забился в судорогах от боли.

— Смотрю, ты всё ещё полон сил. Видимо, Мо Ли был слишком милосерден. Какое чудесное выражение лица... Почему же ты раньше всегда носил эту ледяную маску? Ах, я понимаю. Иначе нельзя. Приходилось скрывать от Юйвэнь Му свои истинные чувства, верно?

— О чём... ты...

— О самообмане. На людях — сама почтительность к Государственному наставнику, а в душе? Ты ведь любишь его, не так ли?

— Я... всегда... почитал его...

— Ты отлично притворялся, но тебе не повезло встретить меня. Каждая эмоция на твоём лице для меня как открытая книга. Стоит упомянуть его имя, и твоя «ледяная маска» даёт трещину. Неужели ты думал, что твоя маскировка безупречна?

— Ты... м-м-м...

Ну нет, этого мало. Я должен сломать его окончательно. Его бастион — это обострённое чувство стыда и моральные устои. Если я заставлю его совершить то, что противоречит его чести, этот стыд превратится в оружие, которое вытравит из него остатки воли.

<http://bllate.org/book/17477/1695492>